

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-60-69

УДК 821.512.133

Н.Е. Ерофеева, Л.В. КипнесРоссийский государственный гидрометеорологический университет,
192007 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ученый-гуманист как новый тип национального героя в драме «Абу Райхан Беруни» Р. Атакузиева (Уйгуна)

Аннотация. В статье впервые дается анализ драмы Уйгуна (Р. Атакузиева) «Абу Райхан Беруни» (1973) в контексте истории раннего Средневековья. Опираясь на историю науки, авторы отмечают единство некоторых процессов, которые обусловили место ученого в Европе и на Средневековом Востоке, смену культурных эпох. Анализ работ ученых по истории, философии, культуре, литературе советского периода, а также современные исследования наследия Абу Райхана Беруни позволил авторам сделать вывод, что труды ученого X – начала XI в. по-прежнему интересны и актуальны сегодня своими идеями и мыслями, в которых раскрывается личность великого гуманиста и просветителя Средневекового Востока. Материал статьи содержит авторский взгляд на произведение узбекского драматурга. Наследие Беруни рассматривается в контексте историко-культурных процессов в Европе и на Востоке. Особо отмечается влияние И.В. Гете на образ Беруни, который во многом близок Фаусту, европейскому типу исследователя-практика, мыслителя, смелого и самостоятельного в своем научном поиске. Новаторским признается сочетание фаустовского и объективного начала в структуре образа. Авторами статьи акцентируется сочетание романтических традиций и традиций литературы советского периода в изображении Беруни как нового национального героя. В процессе анализа текста драмы Уйгуна исследователи выделяют три уровня конфликта: между ученым и властью, научным знанием и лженауками, предрассудками и объективной истиной. Важное значение имеют образы учеников Абу Райхана Беруни и Ибн Сины, которые должны стать проводниками между прошлым и будущим, но в финале драмы Беруни остается один. Переводчик Шекспира Р. Атакузиев (Уйгун) усиливает трагизм пьесы глубоким одиночеством ученого. Материал статьи в контексте русско-узбекских литературных связей будет интересен специалистам в области литературы советского периода и учителям литературы.

Ключевые слова: литература советского периода, произведение узбекского драматурга, русско-узбекские литературные связи, историческая личность в произведениях литературы

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Ерофеева Н.Е., Кипнес Л.В. Ученый-гуманист как новый тип национального героя в драме «Абу Райхан Беруни» Р. Атакузиева (Уйгуна) // Литература в школе. 2024. № 1. С. 60–69. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-60-69

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-60-69

N.E. Erofeeva, L.V. Kipnes

Russian State Hydrometeorological University,
Saint Petersburg, 192007, Russian Federation

The scientist-humanist as a new national hero in the drama “Abu Rayhan Beruni” by R. Atakuziev (Uygun)

Abstract. The article presents a novel analyses of Uygun’s (R. Atakuziev) drama “Abu Rayhan Beruni” (1973) in the context of the history of the early Middle Ages. Based on the history of science, the authors note the unity of some processes that determined the place of the scientist in Europe and in the medieval East, the change of cultural epochs. The analysis of the scientific works on history, philosophy, culture, literature of the Soviet period, as well as the modern studies of the heritage of Abu Rayhan Beruni, allowed the authors to conclude that the works of the scientist of the Xth – early XIth century are still interesting and relevant today with their ideas and thoughts which reveal the personality of the great humanist and educator of the medieval East. The material of the article contains the author’s view on the work of the Uzbek playwright. Beruni’s legacy is considered in the context of historical and cultural processes in Europe and the East. The influence of Jo.V. Goethe on the image of Beruni, who in many ways resembles Faust, the European type of researcher-practitioner, thinker, courageous and independent in his scientific quest, is particularly noted. The combination of the Faustian and the objective beginnings in the structure of the image is recognized as innovative. The authors of the article emphasize the combination of romantic traditions and traditions of the Soviet literature in portraying Beruni as a new national hero. When analyzing the text of Uygun’s drama, the scholars distinguish three levels of conflict: between the scientist and power, scientific knowledge and pseudoscience, prejudice and

the objective truth. The images of Abu Rayhan's disciples Beruni and Ibn Sina, who are supposed to be the guides between the past and the future, are important; but in the drama's finale Beruni remains alone. R. Atakuziev (Uygun), the translator of Shakespeare, adds the deep loneliness of the scientist to the tragedy of the play. In the context of the Russian-Uzbek literary relations, the material of the article will be of interest to specialists in the field of literature of the Soviet period and to teachers of literature.

Key words: literature of the Soviet period, the works by an Uzbek playwright, Russian-Uzbek connections in Literature, a historical figure in literary works

CITATION: Erofeeva N.E., Kipnes L.V. The scientist-humanist as a new national hero in the drama "Abu Rayhan Beruni" by R. Atakuziev (Uygun). *Literature at School*. 2024. No. 1. Pp. 60–69. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-60-69

В истории литературы России и Узбекистана немало имен авторов, которые в равной степени принадлежат общей истории литературы советского периода. Среди них Абдулла Каххар (1907–1968), Муса Ташмухамедов (1905–1968, псевдоним Айбек), Явдат Ильясов (1929–1982), Ядыл Якубов (1926–2009), Камиль Яшен (1908–1997), Сергей Бородин (1902–1974, псевдоним Амир Саргиджан) и многие другие. Их объединяют особый интерес к истории народов Средней Азии, как и темы Великой Отечественной войны, детства, развития Узбекистана в составе большой многонациональной страны. С 1990-х гг. интерес к истории определяет творчество нового поколения писателей, в том числе Хуршида Даврона (род. 1952) или Рахима Карымова (род. 1960).

Практически все известные узбекские писатели и поэты были переводчиками, своеобразными проводниками между культурами разных стран и народов. Помимо произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, М. Горького, на узбекский переводились сочинения У. Шекспира, И.В. Гете. Среди переводчиков

особо выделяется имя драматурга Рахматуллы Атакузиева (1905–1990, псевдоним Уйгун). В своем творчестве он не только обратился к истории средневековой Азии, но и познакомил узбекского читателя и зрителя с реальными историческими личностями, например: Абу Райхан Беруни или Ибн Сина (Авиценна).

Абу Райхан Беруни (Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни, 973–1048) занимает особое место в истории мировой науки и культуры. Имя ученого связывают с достижениями в самых разных областях знания. В работах П.Г. Булгакова, Б.А. Розенфельда [5], А.Б. Халидова, В.Г. Эрмана [12], Машариповой [6], Г.А. Носирходжаевой [7], Т. Райнова [8], Ю.А. Бабаева [3; 4] и др. дается анализ философских, социологических, политических, религиозных взглядов мыслителя, рассматриваются его открытия и идеи. Спустя более тысячи лет роль Беруни в развитии науки по-прежнему не вызывает сомнений, а его книги не потеряли свою актуальность. В то же время современный исследователь А.Б. Алимджанов пишет: «Беруни многолик, он миф, он образец подражания ученым, его

произведения у всех на слуху, но мало кто их читал и знает его. Мы возвели его труды на пьедестал науки. Хотя, если изучать историю науки (по Т. Куну), Беруни жил в домодерновую эпоху и имеет мало отношения к современности. Но почему он актуален?» [1, с. 116].

Любая историческая личность в памяти потомков проходит определенный путь мифологизации. Это неизбежно, и песенная история о великих героях народов тому доказательство. В данном случае речь об одном из ученых Востока. Для нас после знакомства с книгами Абу Райхана Беруни, в том числе с его научными открытиями, исследованиями о нем, такой вопрос не возникает. Напротив, убеждены, что будет справедливо говорить об Абу Райхане Беруни как ренессансном типе личности и великом просветителе Средневекового Востока. Его можно назвать Фаустом своей эпохи за неуемную жажду познания и бесстрашие на пути к истине. Более того, Беруни оказался в центре общекультурных процессов в европейских и восточных странах X – начала XI в.

Авторами статьи на основе историко-теоретического и типологического подходов впервые дается анализ драмы узбекского переводчика и драматурга Р. Атакузиева (псевдоним Уйгун) «Абу Райхан Беруни» (1973).

После падения Римской империи в Европе наступили сложные времена. По замечанию О.В. Трахтенберга, «в V–VI вв. в Западной Европе на развалинах рабовладельческой формации начинает складываться феодализм, на развалинах античной греко-римской культуры начинают появляться ростки культуры христи-

анского Средневековья. Заканчивается древний и начинается средневековый период европейской истории» [10, с. 8], а «в период времени от VII до X века город казался немым; в нем царил атмосфера могилы...» [Там же, с. 91].

В X в. в Европе заниматься наукой было опасно, потому что церковь любые практические опыты называла колдовством и всячески препятствовала познанию нового. Блаженный Августин точно передает позицию духовных идеологов того времени: «Люди пытаются разгадать тайную силу природы, что не приносит им богатства. Их единственное стремление – умножить свои знания. С той же извращенной целью они изучают искусство магии... Что до меня, то я не желаю знать путь, по которому движутся звезды, и все священные тайны я ненавижу» [Цит. по: 9, с. 112]. В пьесе Уйгуна также нередко звучат обвинения Беруни в мошенничестве со стороны Шейха-уль-ислама, главы хорезмского духовенства, и Аглыма, главного исламского правоведа в Хорезме, и им подобных.

В драме Уйгуна (пьеса опубликована под псевдонимом) «Абу Райхан Беруни» масштаб личности и результаты научного поиска Беруни оцениваются с позиций человека XX в., а образ ученого напоминает Фауста из трагедии И.В. Гете. И в этом нет противоречия, поскольку ученый в Средние века не всегда был свободен в своих исследованиях. Тем не менее период раннего Средневековья был отмечен многими именами исследователей, которые наперекор запретам продолжали изучать мир. Уже в Византии большим уважением пользовался математик

Исидор Милетский, благодаря которому европейцы узнали о работах Архимеда, или Иоанн Грамматик (Иоанн Филопон), первый критик трудов Аристотеля. Среди смельчаков были и английский ученый Беде, который старался сохранять античные рукописи, в том числе Плиния, и представители мусульманской Испании Аббас Ибн Фирнас и Маслама аль-Маджрити, и христианин Папа Сильвестр II. На Востоке – аль-Хорезми, Ибн Сина, аль-Фараби и др. Таким образом, Абу Райхан Беруни сложился как ученый в контексте самой эпохи. Менялись культурные центры, но в каждой стране раннего Средневековья оставались те, кого называют двигателями прогресса. О распространении новых знаний как раз и свидетельствует переписка Беруни с Ибн Синой, с другими учеными того времени, как и непосредственное общение, возможное благодаря политике правитель того периода.

Р. Атакузиеву принадлежит еще одна драма, которая посвящена судьбе другого великого ученого, работавшего вместе с Беруни при дворе шаха в Хорезме, в Академии Мамуна. Речь идет о знаменитом Ибн Сине (Авиценне), в переписке с которым Беруни обсуждал вопросы физики, спорил о теории Аристотеля в работе «О небе и вселенной» [2]. Частично спор воспроизводится и в драме Уйгуна.

Аристотель, Сократ и другие ученые античного мира интересовали Беруни, как и ученые Древнего Востока и Индии. Примечательно, что мусульманин Абу Райхан Беруни во многом сумел преодолеть самого себя, свой взгляд на мир людей другой веры, культуры, когда сознательно изучал греческий, фарси или

хинди, чтобы в оригинале прочитать труды ученых из других стран.

Уйгун создает образ яркой исторической личности в лучших традициях литературы советского периода, но при этом явно находится под влиянием образа Фауста Гете как устоявшегося символа средневекового ученого, готового ради истины пожертвовать собой. Даже первое представление героя напоминает «Пролог на небе» в трагедии немецкого автора. Так, в первой же сцене, когда ученики Беруни и Ибн Сины, Джаффар и Худайберды, готовят места для ученой дискуссии по поводу книги «Альбакия» в одном из пышных залов во дворце Хорезмшаха, Джаффар, говоря о Беруни, отмечает его смелость и ум:

...Да трус вовек мыслителем не станет!..
Коль прежде, чем подумать да сказать,
оглядываться надо, так уж где там
проникнуть в суть вещей, взглянуться
в звезды,
постигнуть тайны чисел и веков...

<...>

Подобных – мало?! Ха! Их просто нет!
Абу Райхан – единственный на свете!
Необычайный ум соединен
в нем с памятью, такой же небывалой,
с немыслимым доселе трудолюбием.
Да книги нет, чтоб он не прочитал,
нет языка, которого не знал бы!..
Фарси? Изволь! Арабский?

В лучшем виде!

Наречья греков и евреев? Хинди?
Пожалуйста!.. И в каждой из наук
он превзойдет любого знатока, –
историю ли взять, иль медицину,
алхимию – иль музыку, науку
о камнях – или обо всей земле,
счислений тайны иль секреты слова!
Сократ, и Афалтун, и Арасту,
И Фараби – ему знакомы так,
как если б он у них самих учился!

[11, т. 2, с. 3]

Образ Абу Райхана Беруни становится действительно образцом для подражания. В 1970-е гг. его личность привлекала писателей, драматургов, сценаристов. Об этом свидетельствуют новеллы о Беруни М.Н. Федорова и фильм режиссера Ш. Аббасова «Абу Райхан Беруни» (1974, сценарий П. Булгакова, Ш. Аббасова). Они создают сильную и целеустремленную личность ученого, описывают его сложный путь в науке и более трудный, порой трагичный, жизненный путь. Драматизма добавляет его любовь к рабыне.

Преодолевая противоречия в восприятии Средневековья как эпохи застоя, писатели и драматурги изображают ученого в контексте политических и исторических событий, а также на фоне правителей Хорезма и Газневи. Это еще один важный аспект в развитии действия.

Пьесу условно можно разделить на две части. В первой, рассказывающей о возвращении Беруни в Хорезм, мы видим, как при дворе шаха собираются образованные люди, писатели, ученые, есть алхимики и астрологи. Образ шаха сродни императору Августу и известному Меценату. Мамун, шах Хорезма, прославился тем, что при его дворе были созданы условия для занятий наукой. Гурганж становится культурной столицей хорезмийского государства. Сюда возвращается из Кията Абу Райхан и становится ведущим ученым в Академии Мамуна.

При дворе шаха как раз и разворачивается научная дискуссия вокруг книги «Альбакия». Она сразу обозначила три ключевых конфликта пьесы: между ученым и властью, научным знанием и лженауками, предрассудками и объективной истиной. Не слу-

чайно ученик Беруни замечает, что учитель с удовольствием вернулся в Хорезм, который стал страной науки, «но и невежества, конечно, тоже!» [11, т. 2, с. 5].

Спор о содержании книги превращается в нападки на Беруни со стороны астролога, алхимика, главы хорезмского духовенства, главного исламского правоведа в Хорезме, и других.

Звезды – особая тема в истории науки и культуры. Мир Античности открыл человечеству созвездия, наделив их неразрывной связью с миром земным, о чем свидетельствуют мифы, а наблюдения мореплавателей, пастухов, путешественников и звездочетов позволили выстроить систему созвездий, увидеть в сочетании звезд фигуры птиц, животных, сделать первые вычисления расстояния небесных тел, обосновать стабильность положения наиболее ярких из них, подобно Венере. Духовники впоследствии используют этот принцип взаимосвязи тела и души, когда будут говорить о вознесении души к Богу. В IV в. европейцы придут к заключению, что земля круглая, но первым построит макет земли с округлыми формами именно Абу Райхан Беруни.

Напомним, что среди античных приборов, которые помогали мореплавателям, была астрябия Аполлония Пергского. Еще в IV в. астрябию доработал Теон Александрийский, опираясь на стереографическую проекцию Клавдия Птолемея, известную со II в. Научные трактаты об астрябии Синезия, Иоана Филопона, Севера Себохту были известны далеко за пределами Европы. Не исключено, что они оказали влияние на работу по совершенствованию астрябии ал-Хорезми, ал-Варгани или Абу Райханом Беруни. Они начинают

использовать прибор для астрологических исследований.

В биографиях ученых Средневековья особо отмечается увлеченность звездным небом, а в истории жизни правителей нередко магия звездного неба сопровождалась мечтой о всемирном правлении и утверждении своего могущества. Многие правители выступали меценатами, приближая ученых, писателей, прекрасно понимая полную зависимость от их воли. Тщеславие также неожиданно стало двигателем прогресса. Абу Райхан Беруни, жизнь которого нередко была под угрозой, вынужденно соглашался служить очередному правителю во имя своего дела. Уступая очередному господину, он никогда не отрекался от своих принципов и работ.

В драме Уйгуна этот аспект смещен. О звездах Беруни с увлечением говорит в процессе дискуссии:

Я ведь и сам отчасти звездочет,
и даже – было время – близ Кията
себе обсерваторию построил,
чтобы следить движение светил.
Прекраснейшее, право же, занятие:
рассчитывать пути их наперед –
и завтра находить в той самой точке,
которую вчера постиг умом...
Не лучшее ль из лучших доказательств
разумного вселенского устройства!
Глаз невооруженный видит в небе
лишь неких точек пламенных скопления,
но острый ум и точная наука
определяет строение небес,
размеры звезд, их мощь и отдаленность,
взаимоотяготение друг к другу
и быстроту движения по сферам,
а ведь светила отмеряют дни – и ночи,
месяцы – и годы...
Где среди них – планета, где – звезда?
Вращается земля – или недвижна?
О том веками спорил древний Рим,
Аравия и Индия...

[11, т. 2, с. 12]

Ответы Беруни по своей смелости и дерзости напоминают образ ученого Фауста, ставшего символом познания. Он так же бесстрашен и прямолинеен в дискуссии. Особенно достается астрологу и алхимику, лжеученым, над которыми Беруни открыто смеется:

Простите, но когда схождение звезд
вам служит верным признаком того,
разумно ли сейчас продать вола,
дать деньги в рост или купить корову –
я вижу в этом только шарлатанство...

[Там же, с. 14],

а в споре с алхимиком поднимает вопрос о лженауке:

Да каждый из металлов
суть и состав имеет нерушимый.
Могу ль я кошку превратить в собаку,
коль я не джин, а только человек?..
Так и не сделать серебро из цинка,
из меди – золото...

<...>

Поверьте мне, любезный мой собрат,
уж если б кто взаправду ведал способ,
так он не книги бы о том писал,
а сам бы делал золото из меди!
Но люди слабы: что не можешь сам,
в том остальных охотно наставляешь...

<...>

Послушайтесь: не тратьте жизнь
напрасно!

[Там же, с. 15–16]

В этот момент перед нами уже истинный ученый Абу Райхан Беруни, который свои умозаключения строит на основе наблюдений, расчетов, на основе реальных фактов.

Устами Ибн Сины в ходе дискуссии ставится и вопрос о социальных бедствиях, о войнах и завоеваниях, в результате которых страдают простые люди. И когда речь заходит о Кутейбе, то Беруни поддерживает

Ибн Сину в том, что виной земных бедствий становится людская воля, а Кутейб – один из тех, кто прославился жестокостью:

...сжег Хорезм –
кровь, как вода, текла с его меча!
Он сеял ужас на окрестных землях,
подобно жесточайшим из злодеев...

[11, т. 2, с. 25]

И совсем скоро такой тип правителя-тирана выйдет на первый план. Мамун будет предательски убит, а Беруни станет пленником султана Газневи, при дворе которого проживет последние пятнадцать лет своей жизни.

В процессе дискуссии при Хорезмшахе уже обострились противоречия, а Беруни высказал открыто свое мнение о власти и судьбе ученых, обращаясь к Шейх-уль-исламу:

...Вы – охранители устоев,
стоите ревностно у них на страже,
мы ж – люди мысли, поиска, науки,
а мысль – тысячекрат подвижней ртути!
Сказал еще великий Арасту,
что мысль есть сила, движущая мир,
так было вечно, ибо мир наш вечен...
И Фараби с ним согласился...

[Там же, с. 31]

Беруни не скрывает своего гнева, когда в споре с противником восстает против тех, «кому покоя не дает соседней благоденствие, кто зарится на мирные плоды чужого...» [Там же, с. 34]. Он против мракобесия, против неуважения чужой религии, культуры, веры. Об этом ученый писал в книге «Индия», о которой также говорится в драме Уйгуна.

Оказавшись в плену, Беруни обнаруживает подлинную смелость в общении с тираном. Именно в уста ученого автор вкладывает программную речь своего героя. На упреки

в низком происхождении пленник-ученый отвечает гордо, с достоинством. Он не отделяет себя от народа, раздражая султана и заявлением «мой народ», и тем, что не отрекается от своей матери. Он обвиняет тирана в грабежах, насилии, придворных интригах и преступлениях. Еще мгновение, и Беруни будет казнен. Однако финал решен в романтическом ключе. Масуд, сын султана, упрашивает отца оставить жизнь ученому. Немного наивно звучит признание молодого наследника трона, что с детства мечтал учиться у Беруни:

Отец, я заклинаю
и жизнью собственной своей, и счастьем,
благополучьем вашего престола,
и нынешней славой, и грядущей:
какой бы ни казалась вам вина
вот этого, в оковах, человека –
даруйте жизнь ему, а значит – мне!
За этим лбом скрыт величайший ум,
какой история земная знала!
Умри он – рухнет просвещенья столп,
суть и надежда истинной науки!..

[Там же, с. 144]

В самом конце пьесы повисает в воздухе вопрос: что дальше? Понятно, что султан не относится к людям, которых способна разжалобить просьба сына. Но драматург сознательно превращает финал в сказку. И дело не только в том, что гаснет свет, раздается звонкий хлопок в ладоши, а затем сцену пронизывает луч света, и раскованный Беруни оказывается одетым в новую светлую одежду как символ внутренней чистоты и благородства.

К финалу пьесы Абу Райхан Беруни остается совершенно один. Его ученик тоже исчезает в процессе трагических событий, погибает его возлюбленная, а близкий по духу Ибн Сина покидает Хорезм.

Переводчик Шекспира Р. Атакузи-ев усиливает трагизм пьесы глубоким одиночеством ученого. Как Гамлет напутствовал своего друга, так теперь почти по-шекспировски звучит финальный монолог героя. Однако этот финальный монолог подчеркнуто театрален, абсолютно оторван от всей пьесы, словно не выживший Беруни, а его исторический дух теперь на сцене, который напрямую обращается в зрительный зал. И финальные слова произносит не Беруни, а именно Голос Беруни:

И вот, живой, я среди вас, потомки.
Я понимаю, что мое наследье
пришло к вам, повторенное стократ,
и растворилось в тыще слов и мыслей,
вещей и дел. Но я того – хотел,
я для того страдал, творил, боролся –
и счастлив этою своей судьбой...

[11, т. 2, с. 146]

Гуманист, просветитель, патриот, человек, уважающий ближне-

го и человека другой веры, – таким выступает Беруни в пьесе, таким его представляют исследователи в области культуры, философии, науки разных лет.

В финальном монологе Голос Беруни просит помнить о его трагической любви и потерянных друзьях, о его сочинениях, но главное – он просит взглянуться в свой век, не повторять ошибок прошлого, сохранить любовь к человеку и быть стойкими на пути познания и постижения истины. Этим во многом и обусловлен интерес к материалу пьесы, на основе которой был создан фильм о великом ученом. В контексте современных реалий драма Уйгуна вновь звучит актуально, а образ ученого-гуманиста Абу Райхана Беруни знаменует поиски национального героя в наше время. Его наследие по-прежнему привлекает внимание, идеи актуальны и востребованы в современном обществе.

Библиографический список

1. Алимджанов Б.А. Существует ли граница домодерного, модерного и постмодерного знания в Узбекистане (на примере историографии трудов Аль-Беруни)? // *Russian Colonial Studies*. 2020. № 2 (6). С. 113–128.
2. Аль-Бируни А.Р.М. ибн А., Ибн Сина. Переписка / отв. ред. И.М. Муминов. Ташкент, 1973.
3. Бабаев Ю.А. Вопросы истории и культуры народов Мавераннахра и Хорасана в трудах Абурайхана Беруни: культурологический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Худжанд, 2006.
4. Бабаев Ю.А. Древняя и средневековая культура ираноязычных народов Среднего Востока в трудах Абурайхана Беруни. Худжанд, 2006.
5. Булгаков П.Г., Розенфельд Б.А. Предисловие // *Абу Райхан Беруни (973–1048)*. Избранные произведения. Т. VII. Ташкент, 1987. С. 7–24.
6. Машарипова Г.К. Беруни об измерении размера Земли // *Современные гуманитарные исследования*. 2011. № 4. С. 29–31.
7. Носирходжаева Г.А. Проблемы историко-философской мысли в трудах Беруни: дис. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1999.
8. Райнов Т. Великие ученые Узбекистана (IX–XI вв.). Ташкент, 1943.
9. Роулинг М. Европа в Средние века: быт, религия, культура / пер. с англ. М., 2005.
10. Трахтенберг О.В. Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. М., 1957.
11. Уйгун. Избранные произведения: в 2 т. / пер. с узб. Т. 2. Ташкент, 1985.
12. Халидов А.Б., Эрман В.Г. Предисловие // *Бируни А. Индия* / пер. с араб. М., 1995. С. 7–53.

References

1. AlimdjanoV B.A. Is there a border of premodern, modern and postmodern knowledge in Uzbekistan (on the example of historiography of Al-Beruni's works)? *Russian Colonial Studies*. 2020. No. 2 (6). Pp. 113–128. (In Rus.)
2. Al-Biruni A.R.M. ibn A., Ibn Sina. Peregipiska [Correspondence]. I.M. Muminov (ed.). Tashkent, 1973.
3. Babaev Yu.A. Voprosy istorii i kultury narodov Maverannakhra i Khorasana v trudakh Aburaykhana Beruni: kulturologicheskiy aspekt [Questions of history and culture of the peoples of Maverannahr and Khorasan in the works of Aburaikhan Beruni: Cultural aspect: Summary of the thesis]. PhD Dis. Khujand, 2006.
4. Babaev Yu.A. Drevnyaya i srednevekovaya kultura iranoyazychnykh narodov Srednego Vostoka v trudakh Aburaykhana Beruni [Ancient and medieval culture of Iranian-speaking peoples of the Middle East in the works of Aburaikhan Beruni]. Khujand, 2006.
5. Bulgakov P.G., Rosenfeld B.A. Foreword. *Abu Rayhan Beruni (973–1048). Selected works*. Vol. VII. Tashkent, 1987. Pp. 7–24. (In Rus.)
6. Masharipova G.K. Beruni on the measurement of the size of the Earth. *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya*. 2011. No. 4. Pp. 29–31. (In Rus.)
7. Nosirkhodjaeva G.A. Problemy istoriko-filosofskoy mysli v trudakh Beruni [Problems of historical and philosophical thought in the works of Beruni]. PhD Dis. Tashkent, 1999.
8. Rainov T. Velikie uchenye Uzbekistana (IX–XI vv.). [Great scientists of Uzbekistan (IX–XI centuries)]. Tashkent, 1943.
9. Rowling M. Yevropa v Sredniye veka: byt, religiya, kultura [Europe in the Middle Ages: Life, religion, culture]. Transl. from English. Moscow, 2005.
10. Trakhtenberg O.V. Ocherki po istorii zapadnoevropeyskoy srednevekovoy filosofii [Essays on the history of western European medieval philosophy]. Moscow, 1957.
11. Uygun. Izbrannyye proizvedeniya: V 2 t. [Selected works: in 2 vols.]. Transl. from Uzbek. Vol. 2. Tashkent, 1985.
12. Khalidov A.B., Erman V.G. Preface. *Biruni A. India*: Transl. from Arabic. Moscow, 1995. Pp. 7–53. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 20.10.2023, принята к публикации 30.11.2023
The article was received on 20.10.2023, accepted for publication 30.11.2023

Сведения об авторах / About the authors

Ерофеева Наталья Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного, Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург

Natalia E. Erofeeva – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language, Russian State Hydrometeorological University, Saint-Petersburg

E-mail: natali-erof@yandex.ru

Кипнес Людмила Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой отечественной филологии и русского языка как иностранного, Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург

Ludmila V. Kipnes – PhD in Education, Associate Professor; Head of the Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language, Russian State Hydrometeorological University, Saint-Petersburg

E-mail: ksludmila@yandex.ru